

RU

Буддийские мотивы как этнические маркеры в бурятской литературе

Дампилова Л. С., Мархадаев Г. Б.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть механизмы трансформации буддийских мотивов как этнических маркеров в бурятской литературе в условиях смены исторических и идеологических парадигм на примере анализа концепции судьбы в произведениях Д. Батожабая («Похищенное счастье») и Б. Ширибазарова («Сострадание»). В статье осуществляется сравнительный анализ значения мотива судьбы через призму буддийской философии (карма, сострадание, перерождение). В романе Батожабая судьба показана как социально-исторический рок, где буддизм служит элементом культурной памяти. В пьесе Ширибазарова судьба трактуется через буддийскую философию (карма, сострадание) как путь духовного выбора. Научная новизна исследования заключается в выявлении трансформации роли буддийских мотивов в бурятской литературе: впервые установлено, что в советский период буддизм функционировал как элемент культурной памяти, фиксирующий этническую идентичность в условиях идеологического давления, тогда как в постсоветской литературе он становится философским инструментом конструирования личностной и коллективной идентичности через категории кармы и сострадания. В результате исследования выявляется, что буддийские мотивы остаются ключевым маркером бурятской этничности, но их роль трансформируется в зависимости от исторического контекста.

EN

Buddhist motifs as ethnic markers in Buryat literature

L. S. Dampilova, G. B. Markhadaev

Abstract. The aim of the study is to reveal the mechanisms of transformation of Buddhist motifs as ethnic markers in Buryat literature in the context of changing historical and ideological paradigms by analyzing the concept of destiny in the works of D. Batozhabay (“Stolen Happiness”) and B. Shiribazarov (“Compassion”). The article provides a comparative analysis of the significance of the motif of destiny through the lens of Buddhist philosophy (karma, compassion, rebirth). In Batozhabay’s novel, destiny is shown as a socio-historical fate, where Buddhism serves as an element of cultural memory. In Shiribazarov’s play, destiny is interpreted through Buddhist philosophy (karma, compassion) as a path of spiritual choice. The novelty of the study lies in identifying the transformation of the role of Buddhist motifs in Buryat literature: for the first time it was established that in the Soviet period Buddhism functioned as an element of cultural memory, fixing ethnic identity in conditions of ideological pressure, while in post-Soviet literature it becomes a philosophical tool for constructing personal and collective identity through the categories of karma and compassion. As a result of the study, it is revealed that Buddhist motifs remain a key marker of Buryat ethnicity, but their role is transformed depending on the historical context.

Введение

Современное литературоведение все больше обращает внимание на взаимосвязь между религией и этничностью, рассматривая их как ключевые элементы, необходимые для формирования коллективной национально-культурной идентичности. Актуальность исследования обусловлена потребностью изучения механизмов сохранения и трансформации этнической идентичности в условиях глобализации и культурной гибридизации. В современном литературоведении особое внимание уделяется роли религиозных нарративов как инструментов конструирования национально-культурных кодов, однако бурятская литература, находящаяся на пересечении буддийской философии, шаманизма и советского/постсоветского исторического опыта, остается малоисследованной в контексте адаптации религиозных мотивов к меняющимся идеологическим парадигмам. Работа вносит вклад в междисциплинарные исследования на стыке литературоведения, религиоведения и культурной антропологии, предлагая модель анализа религиозно-этнических маркеров в условиях смены исторических эпох.

Этноконфессиональные процессы показывают, что религия не только отражает процессы духовно-культурного обогащения нации, но и демонстрирует динамику взаимодействия с этничностью, что приводит к трансформации самой религии и ее восприятия тем или иным этносом (Hinnells, 2005). Такая связь религии и этничности в сознании бурятского этноса проявляется через синтез буддизма, шаманизма, исторической памяти, местных традиций и языка, что нашло отражение в литературных текстах, где религиозные символы становятся маркерами этнокультурной уникальности.

Буддизм как системообразующий элемент бурятской этничности интегрирует в народные массы определенные философские концепции – такие как карма, перерождение и непостоянство, которые впоследствии стали культурными кодами, в том числе транслируемыми через литературные нарративы. В бурятской литературе, особенно в произведениях XX–XXI веков, мотив судьбы, интерпретируемый через призму буддизма, выступает не просто сюжетным элементом, а инструментом этнической саморефлексии. Бурятские авторы, сохраняя связь с традиционным мировоззрением, часто используют буддийские парадигмы для конструирования «этнической судьбы» – коллективного пути, осмысляемого через единство кармической ответственности и духовного поиска.

В литературоведении концепция судьбы личности часто рассматривается как исследование жизненного пути человека, его выбора, трагедий и трансформаций под влиянием внешних обстоятельств – социальных, исторических, культурных или экзистенциальных. В качестве задач исследования предполагается:

1. Провести сравнительный анализ интерпретации концепта судьбы в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье» (советский период) и пьесе Б. Ширибазарова «Сострадание» (постсоветский период) через призму буддийской философии (карма, сострадание, перерождение).

2. Выявить функции буддийских мотивов как маркеров этничности: от сохранения культурной памяти (советская эпоха) до формирования экзистенциальной идентичности (постсоветская эпоха).

3. Установить закономерности эволюции роли буддизма в бурятской литературе: от элемента этнографического фона к философской основе самоопределения.

4. Обосновать взаимосвязь между адаптацией религиозных нарративов и динамикой этнокультурных процессов в условиях идеологического давления и глобализации.

В работе применяются следующие методы исследования, соответствующие поставленным задачам:

1. Сравнительно-типологический метод. Применен для анализа интерпретации концепта судьбы в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье» и пьесе Б. Ширибазарова «Сострадание». Метод позволил сопоставить трактовку буддийских мотивов (карма, перерождение) в двух исторических контекстах (советский и постсоветский), выявить сходства и различия в их функционировании как этнических маркеров.

2. Мотивный анализ. Использован для выявления функций буддийских мотивов в структуре текстов. На примере мотивов судьбы, сострадания и кармы установлено, как они трансформируются из элементов культурной памяти (Батожабай) в инструменты экзистенциальной самоидентификации (Ширибазаров).

3. Историко-культурный метод. Позволил проследить эволюцию роли буддизма в бурятской литературе XX–XXI веков. Через анализ идеологического контекста (советская цензура, постсоветская глобализация) выявлены закономерности адаптации религиозных нарративов к меняющимся парадигмам.

4. Междисциплинарный подход. Включает элементы культурной антропологии и религиоведения. Применен для обоснования взаимосвязи между литературными текстами и этнокультурными процессами, такими как кризис идентичности, гибридизация традиций, интеграция локального опыта в глобальный дискурс.

Материалом исследования послужили художественные тексты бурятских авторов XX–XXI веков, отражающие эволюцию буддийских мотивов в контексте этнической идентичности. Анализ проведен на основе романа Д. Батожабая «Похищенное счастье» по главам, где ключевые эпизоды (судьба Аламжи, мотив кармы, конфликт традиций и революции) раскрывают роль буддизма как элемента культурной памяти:

- Батожабай Д. О. Похищенное счастье / пер. с бур. Н. Рыбко. М.: Современник, 1982.

Также анализ осуществлялся на основе пьесы Б. Ширибазарова «Сострадание»:

- Ширибазаров Б. Б. Сострадание. 2016. <https://proza.ru/2016/10/03/308?ysclid=mawfkrq2ln654584523>.

Упомянуты роман Б. Ширибазарова «Драгоценный» (2022) и другие сопутствующие историко-культурные источники.

Теоретическую базу работы составили религиоведческие, фольклористические и культурологические исследования, посвященные буддийским мотивам в художественных текстах, этнической идентичности и трансформации религиозных нарративов в условиях исторических изменений. Рассматриваются литературоведческие исследования в работах Т. А. Нигматуллиной (2021) и Б. Л. Аюшеева (2021), где анализируется роль буддизма в бурятской литературе, акцентируется его функция как элемента культурной памяти и инструмент этнической саморефлексии. Аюшеев, в частности, исследует эволюцию интерпретации мотива судьбы в романе Д. Батожабая, подчеркивая связь между советским идеологическим контекстом и сохранением традиционных нарративов.

Э. Б. Аюшеева (2020) в диссертационной работе «Функционирование буддийских персонажей и мотивов в западнобурятской Гэсэриаде» демонстрирует, как религиозные элементы интегрируются в эпические тексты, сохраняя архаичные черты, что позволяет проследить динамику адаптации буддизма в фольклоре. С. С. Имхелова (2020) в монографии «Мозаика национальной жизни» рассматривает постсоветский литературный процесс Бурятии, выделяя переход от этнографического изображения буддизма к его философскому осмыслению.

Исследования буддизма в контексте культуры и философии освещаются в трудах Е. А. Торчинова (2000) и А. А. Бурыкина (2020), где формируется методологическая база для анализа буддийских концепций (карма,

сострадание, перерождение) в литературных текстах. Междисциплинарный подход В. И. Тюпы (2001) («Аналитика художественного») применяется для мотивного анализа, позволяя выявить структурную связь между буддийскими концептами и сюжетными элементами в произведениях. Работа Дж. Хиннелса “The Routledge Companion to the Study of Religion” (Hinnells, 2005) предоставляет методологию для изучения религии как маркера этничности в условиях глобализации.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть применены в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов по литературе народов России, регионоведению, культурологии и религиоведению при рассмотрении темы взаимодействия религии, этничности и литературы. Выводы исследования могут лечь в основу учебных пособий по межкультурной коммуникации и этнолитературоведению, а также стать частью модулей, посвященных постсоветской идентичности и трансформации культурных кодов.

Обсуждение и результаты

Советская культурная политика 1930-х годов, ориентированная на создание «социалистической по содержанию» литературы, привела к маргинализации религиозных тем. Однако даже в рамках соцреализма авторы, такие как Д. Батожабай, включали в произведения целые пласты религиозной направленности, маскируя их под метафоры классовой борьбы. Отношение Даширабдана Батожабая к религии в его произведениях отражает сложный диалог между традиционной культурой бурятского народа и идеологическими установками советской эпохи. Несмотря на контекст социалистического вектора «правильной литературы», в его творчестве религия часто выступает как символ национальной идентичности. В произведениях Д. Батожабая буддизм и шаманизм – не столько объекты веры, сколько объекты культурного ландшафта, и это демонстрирует устойчивость религиозных нарративов как части этнического самосознания.

Один из известных бурятских романов советского периода в оригинале имеет название «Төөригдэһэн хуби заяан», что дословно переводится как «Заблудившаяся судьба». Слово *заяан* (*хуби заяан*) в бурятском языке имеет несколько значений, в широком употреблении переводится как «судьба», стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, в буддийской концепции определяется как судьба, рок, предопределение, перерождение (Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. Т. I. А – Н). Роман-трилогия Д. Батожабая на русском языке издан под названием «Похищенное счастье» (1982), и основной мотив судьбы, задуманный автором, в переводе трансформируется в мотив кем-то отобранного счастья. В переводе названия исчезает буддийская философская концепция человеческой судьбы, зависящей от обстоятельств.

Д. Батожабай работал над трилогией с 1959 по 1965 год, когда были четко установлены параметры «правильных» советских романов, и автор не отошел от принятых норм. При масштабном рассмотрении название «Похищенное счастье» для советского периода было более подходящим, ибо жизнь власть имущих (нойонов, лам) и бедняков в развитии романа показана как борьба неимущих за свое счастье, а его похитителями выступают богачи и духовенство. Действие романа разворачивается в период революционных событий в конце XIX и начале XX вв. и охватывает широкое географическое пространство (Бурятия, Монголия, Китай, Япония, Россия, Англия). В этом водовороте исторических событий показана судьба главного героя, бедняка Аламжи, ищущего свой жизненный путь. «Похищенное счастье» Батожабая – вполне себе канонический советский текст, но с добавочными степенями свободы в бурятский язык и еще одну характеристику, то самое особенное пространство – мир, ориентированный с севера на юг, на Центральную Азию и Тибет (Аюшеев, 2021).

Концепт судьбы в романе Д. Батожабая раскрывается через сложное переплетение традиционных верований, социальных условий, личных решений и эпических мотивов. Судьба здесь предстает не как фатальная предопределенность, а как результат взаимодействия кармических законов, нарушения норм родства и исторических трансформаций. Безусловно, наружный фон повествования формирует судьбы персонажей под давлением социальных институтов. Главный герой, Аламжи, борется не только с внешними обстоятельствами, но и с системой, где его статус бедняка предопределяет жизнь. Его попытки «вернуть похищенное счастье» – метафора борьбы против классового общества, где религия и традиции закрепляют неравенство.

Как и в буддийской традиции, в романе проявляется идея кармы и судьбы. Персонажи сталкиваются с последствиями своих действий, что подчеркивает ответственность каждого за свою жизнь и выбор. Эта концепция служит основой для развития сюжета, где религиозные убеждения влияют на поведение и судьбы героев. Так, например, судьба персонажей тесно связана с нарушением бурятских традиций, в том числе системы удха (родственных связей и обязательств). Отец Аламжи, нарушив нормы удха, устраивает брак сына с девушкой из чужого рода ради выгоды, что нарушает этические нормы и запускает цепь трагедий. Отмечается, что «нарушение норм может повлечь несчастья не только для виновного, но и для всего рода» (Морохоева, 1994, с. 40). Это отражается, например, в судьбе Жалмы, чье безумие и гибель становятся следствием разрушения семейных уз, как кармическое воздаяние за грехи рода (Тыхеева, 2010). Аламжи пытается спасти семью, отправляясь в Тибет, где крадет статую Будды, надеясь обменять ее на золото. Однако его действия лишь усугубляют ситуацию: он теряет всё, а его юрта превращается в «черный выжженный круг» – символ краха надежд, что подчеркивает неотвратимость кармического закона.

Название трилогии – «Похищенное счастье» – отражает центральный парадокс: счастье не похищено, а «плутает», оставаясь недостижимым для тех, кто ищет его вне духовных ценностей. Герои пытаются обрести

счастье в материальном (золото, статуя Будды) или в бегстве от реальности (любовь Жалмы), но получают лишь страдания. Автор подчеркивает, что счастье возможно лишь для человека, свободного от предрассудков, но в условиях социальных и исторических катаклизмов это становится утопией. Концепт судьбы в романе Батожабая многогранен: это и кармическое воздаяние, и результат столкновения с социальными нормами, и следствие эпической цикличности. Через трагедии героев автор показывает, что судьба – это не фатум, а сложный синтез личного выбора, традиций и исторического контекста. Как отмечает литературовед И. В. Фролова, в трилогии «проявляется драматическое осознание личности и судьбы» (2003, с. 21), где каждый поступок становится звеном в цепи причин и следствий.

В постсоветское время к юбилею Д. Батожабая бурятский драматический театр заказал Болоту Ширибазарову пьесу «Похищенное счастье» с новым взглядом на художественный текст, но, по словам драматурга, промучившись с этой работой полгода, он написал новое произведение – пьесу «Сострадание» (2012) как продолжение темы романа. Б. Ширибазаров пишет на русском языке. С. С. Имixelова отмечает, что «в творчестве бурятских писателей, избравших русский язык для реализации своего таланта, текст о “своем” народе, его культуре, национальных образах мира кардинально не отличается от текста писателя, выражающего свое творческое “я” на родном языке» (2020, с. 26).

Б. Ширибазаров активно применяет в своем творчестве религиозную составляющую – такие принципы буддизма, как сострадание, карма, цикл перерождений и гармония с природой часто выступают яркой и значимой темой в многочисленных его произведениях. Он сочетает элементы местного фольклора и религиозной философии, многократно обращается к темам идентичности и духовного поиска. Буддизм служит для персонажей его произведений инструментом, способствующим их инициации в осознанное состояние, например, через практики медитации, участие в ретритах, почитание учителей (лам) и т. д.

Б. Ширибазаров сосредотачивается на глубоком исследовании внутреннего мира человека, его связи с культурным наследием и философскими вопросами бытия. Так, например, в его романе «Драгоценный» (2022) тесно переплетаются буддийские идеи кармы и перерождения. Герой романа проходит трансформацию через осознанность и духовную практику: уход в монастырь, прохождение ретрита (абстрагирование от внешнего мира), приобретение духовных наставников. Концепт судьбы в данном произведении видится в контексте буддизма, раскрываясь через призму философских размышлений о карме, взаимозависимости и преодолении страданий.

Эта тема личного выбора и кармической ответственности находит свое отражение и в других произведениях Б. Ширибазарова, в частности в пьесе «Сострадание», где сохраняется подобный подход к видению судьбы и внутренней трансформации персонажей. Из героев романа Батожабая в пьесе участвуют два персонажа: из ищущих свою судьбу – Булат, сын Аламжи, из власть имущих – один из главных злодеев, Самбулама, погубивший жену и младшего сына Аламжи, в итоге убитый Аламжи. В романе Д. Батожабая старшему сыну Аламжи Булату была уготована более благоприятная судьба, чем всем остальным членам семьи: умирает отец, потерявший семью и веру, мать, сошедшая с ума от всех бедствий, заканчивает жизнь самоубийством, маленького братишку, заточенного в тесный железный ящик, убили, превратив в калеку. Сложная и жестокая судьба главных героев романа так впечатлила читателей, потому что сам автор переживал трагедию своих героев как историю живых людей: «Работая в журнале, я услышал от Натальи Ильиной, в прошлом редактора Бургиза, историю про то, как на одной из встреч с читателями Батожабая спросили, что стало с Жалмой, он ответил “умерла” и заплакал» (Аюшеев, 2021, с. 147). Единственно оставшийся в живых повзрослевший Булат, не разделяя взгляды отца, с приемной русской матерью примыкает к революционерам. Роль мальчика в романе схематична, внутренний мир его не прописан.

В современном повествовании Б. Ширибазарова основной конфликт развивается в буддийском философско-этическом аспекте. Особенностью структурного построения пьесы является включение в канву повествования сцен в ретроспективе, романное время и время пьесы лет через двадцать перемежаются между собой. Сцены с Самбуламой относятся к романному времени, а сцены с Булатом – к более позднему периоду. В пьесе современные события раскрывают судьбу романых героев. Действия в пьесе проходят в узком пространстве – в здании Агинского дацана на фоне танки Зеленой Тары. Булат, сын Аламжи, комиссар госбезопасности, приезжает в дацан, чтобы забрать древнюю танку Зеленой Тары. Образ буддийской богини имеет глубокое символическое значение, выполняя несколько функций в развитии сюжета.

Во-первых, название пьесы «Сострадание» связано с образом Зеленой Тары как богини спасительницы, помогающей всем, и на этой основе естественна смысловая ассоциация о ее роли как богини сострадания. По буддийской философской концепции судьба человека полностью зависит от его кармы, от образа жизни в предыдущих рождениях, также на карму могут повлиять грехи или благодеяния предков. В мотивных связях сострадание главенствует как основное условие исправления или улучшения своей кармы, т. е. судьбы. По замыслу драматурга, повторяющиеся размышления героев о сострадании как знаковый элемент подтекста в мотиве судьбы играют решающую роль в событийной канве повествования.

Во-вторых, всевидящий взгляд богини спасительницы как бы заполняет все пространство помещения, определяет судьбу героев, видя их прошлое и будущее. Танка соединяет главного героя с прошлым: «Эту танку написал мой далекий-далекий прадед. Он был китайцем. Он писал ее несколько лет. Говорят, он ничего не ел, пока ее писал. Только пил аршан. А когда он умер, моя далекая-далекая прабабушка поставила пальцем метку на его шее, чтобы найти его перерожденца» (Ширибазаров, 2016). У Булата такая метка на шее, значит, он перерожденец своего прадеда. Автор пьесы напоминает о кармической связи поколений через

века, не зря Сэсэг замечает, что Булат очень похож на ламу и что он должен был им быть. Возможно, ему была уготована другая судьба, но исторические события изменили предначертанный судьбой путь.

В-третьих, пространство за танкой сужается до маленького тайника, где параллельно существует тихая обитель посреди этой разрозненной, враждебной, ненавистной действительности. В развитии сюжета несколько раз подчеркивается, как за этой богиней пряталась Сэсэг во время репрессий, девочка-сирота жила за этой картиной, наблюдая за происходящими событиями в дацане. Сэсэг ведет за танку Булата, когда объясняется ему в любви, ибо там обитель добра и согласия. Девочку воспитал Галдан-лама как свою дочь, ибо она дочь его ученика Самбу-ламы. По буддийской концепции, героине предначертана судьба искупить грех своего кровного отца Самбу-ламы. В сюжетной линии постоянно сталкиваются два оппозиционных мотива: ненависть и сострадание, влияющие на мотив судьбы. Это маленькое уютное пространство в пьесе как бы противопоставляется «ящику-тюрьме» в романе Батожабая, явившемуся «приметой особенного пространства, в границах которого ищут свое заблудившееся счастье герои трилогии» (Аюшеев, 2021, с. 147).

Девочку преследовал Булат с рождения, чтобы убить ее, на ее глазах убил любимого приемного отца Галдан-ламу, отец Булата убил ее кровного отца. Галдан-лама перед смертью берет с нее обещание простить врага, просит «полюбить его». Как можно полюбить человека, который ненавидит тебя, убийцу твоих близких людей? Мотивы буддийского сострадания (любви) ко всем страждущим (к заблудившимся, убийцам), освобождения их от ненависти, злобы связаны с особой комбинацией эмоциональных и психологических уступок героев. Сэсэг, поверив в великую мудрость своего учителя, приходит к состраданию, любви, и это есть очищение своей кармы: «Я не жалею. Я страдаю. Вы делаете вид, что пришли мстить. На самом деле вы пришли за состраданием!» (Ширибазаров, 2016). Булат, ни во что не верящий, циничный и опустошенный, который мог только ненавидеть, встречается с Сэсэг, которая своим состраданием помогла ему реализовать истинное, изначальное состояние собственной души. Закон кармы распоряжается так, что он находит одинокую светлую душу, чтобы суметь вернуться к истоку, чувству любви.

Значимым элементом авторского художественного замысла является соединение мотивов ненависти, сострадания и любви. Сэсэг и Булат приходят к любви как основной ценности этой жизни, настроившись на понимание и восприятие. Повторяющийся очевидный мотив сострадания, присутствующий в разных эпизодах произведения, обеспечивает структурную и семантическую связность буддийских идей автора. «Мотивная структура текста делает художественно значимым любой повтор семантически родственных или окказионально синонимичных подробностей внешней и внутренней жизни, включая и такие, какие могут производить впечатление совершенно случайных или, напротив, неизбежных» (Тюпа, 2001, с. 65).

В-четвертых, одним из центральных героев пьесы является Галдан-лама, настоятель храма Зеленой Тары, в уста которого автор пьесы вкладывает свою основную философскую идею о карме, судьбе. Диалог Галдан-ламы с Самбу-ламой как значимый эпизод авторской буддийской философской концепции определяет смысл концепта «судьба». Автор пьесы ввел образ Самбу-ламы с целью определить, почему в романе Батожабая стал злодеем человек, который должен был быть служителем веры и сострадания. В пьесе он показывает, что учитель Самбу-ламы Галдан-багша не сумел дать своему ученику столько любви и сострадания, чтобы сделать его добродетельным. Самбу-лама обвиняет своего учителя: «Ответьте мне, багша. Вы учили меня сострадать. Но почему я так и не получил вашего сострадания? Я всегда нуждался в вашем сострадании, с того самого дня, как меня забрали в дацан» (Ширибазаров, 2016).

Интрига о злокозненной судьбе Самбу-ламы в пьесе усложняется судьбой его предшественника, он перерожденец Ойдоп-багши, о котором говорит Галдан-багша: «Ойдоп-багша очень поздно стал ламой и потому не изучил ни одну науку. Он умел только сострадать», «Никто не сострадал этому миру так, как Ойдоп-багша. Он молился из-за великого сострадания» (Ширибазаров, 2016). Усложняет образ Самбу-ламы дополнительно введенный мифологический мотив одержимости бесом. Ойдоп-багша был одержим бесом, но умел его подавлять состраданием, а Самбу-лама получает это наследство: «Видимо, твой бес просто копил силы для следующего перерождения. Потому ты до сих пор и не понял, что такое сострадание» (Ширибазаров, 2016). У автора пьесы сложный путь построения судьбы героя через реинкарнацию, карму, воспитание души человека.

Мотив судьбы именно в связи с другими мотивами (реинкарнация, сострадание, мудрость, согласие) приобретает свой истинный смысл и содержание. Оппозиционные мотивы ненависти и любви вносят дополнительные коннотации в семантику текста. Определяющим ход событий является мотив судьбы, выражающийся в единстве мудрости и сострадания. Мотив мудрости, возникший как вторичная ассоциация, приводит Сэсэг и Булата к необходимости проникнуться духом сострадания и любви, и в итоге происходит духовное перерождение героев.

Основополагающие идеи буддийской философско-религиозной системы (суть категории Всеединого, сострадание, судьба, реинкарнация, карма) являются демонстрацией идеи Б. Ширибазарова о бытии и месте в нем человека. В пьесе значима буддийская концепция смерти в качестве континуума трансформаций, когда состояние человека, достигшего нирвану, почти целиком рассматривается в аспекте достижения особого «просветленного» состояния сознания, когда человек перерождается, проблема смерти снимается как таковая. Когда Самбу-лама просит разрешения убить Аламжи, Галдан-багша устало соглашается только из желания спасти Аламжи от страданий: «Ты можешь прекратить его страдания. Я благословляю тебя» (Ширибазаров, 2016). И итоговую, самую неожиданную сцену, когда Сэсэг стреляет в Булата после признания в любви, согласно буддийской концепции, можно объяснить желанием Сэсэг прервать тяжелую судьбу Булата. Столь

неожиданный эпилог, зачастую используемый в современных нарративах, предполагает множество подтекстов, которые читатель может сам выстроить. Однозначного ответа нет, и это еще более усложняет тревожную и разрозненную картину мира в пьесе.

Пьеса, написанная о духовных поисках человека в философском аспекте, и роман советского периода показывают совершенно разные постановки проблемы, связанные с судьбой человека. Если в романе основной конфликт связан с историческими событиями, борьбой бедных и богатых, то в пьесе конфликт переносится в зону психологических, философских поисков человека. Хотя в романе присутствует буддийская идея кармы, судьба героев полностью зависит от внешних обстоятельств. Автор же пьесы погрузился в сложный путь поиска совершенства души для создания достойной кармы, т. е. судьбы. В целом, картина жизни героев в современной пьесе выглядит намного пессимистичнее, чем в советском романе.

Итак, по версии Б. Ширибазарова, одна из главных задач буддизма – взрастить в своем сердце сострадание ко всем живым существам – становится определяющим критерием судьбы человека. Знаменательно, что в буддийской философской концепции судьба человека не является слепым и неотвратимым роком, а зависит от прошлых деяний человека и его предков. Автор пьесы пытается доказать, что можно исправить свою карму, свою судьбу благими помыслами и деяниями. Мотив судьбы-воздаяния тесно связан с философской концепцией буддийского мотива-кармы. В пьесе Б. Ширибазарова репрезентация буддийской версии концепта «судьба» выступает доминирующим фактором самоидентификации национальной литературы.

Рассмотрение функции мотива при анализе семантического составляющего концепта «судьба» раскрывает многозначность термина в художественном нарративе. Исследуя изменения в интерпретации семантики мотива судьбы, приходим к выводу, что отношение человека к миру, смысл его существования зачастую предполагают определение судьбы личности в контексте религиозных воззрений, исторических событий.

Таким образом, «Похищенное счастье» – это историко-революционный роман, где личные драмы героев вплетены в социальные потрясения начала XX века: борьбу против колониализма, разрушение традиционного уклада, революцию. Д. Батожабай создал уникальный сплав национальной эпики и социального реализма, где религия – не абстрактная вера, а часть традиционного уклада, основа культурной памяти. Несмотря на представление религии, как системы социального угнетения, писатель не отрицает духовные корни бурят. В его произведениях религиозные мотивы служат для передачи этнического колорита и связи поколений, это сложный диалог между традиционной культурой бурятского народа и идеологическими установками советской эпохи. Религиозные мотивы здесь скорее культурно-этнографические, чем глубоко философские.

«Сострадание» Ширибазарова – больше философская пьеса, смещающая акцент с внешних конфликтов на внутренние. Автор переосмысливает сюжет, фокусируясь на духовном выборе, этике и метафизике, а не на социальной борьбе. У Ширибазарова религиозность приобретает экзистенциальный характер. Буддийские идеи кармы, сострадания, взаимосвязи всех живых существ становятся стержнем сюжета. Например, герои сталкиваются с необходимостью преодолеть личную боль ради общего блага, что перекликается с концепцией бодхисаттвы. В «Сострадании» судьба – это путь, который можно изменить через духовный выбор. Писатель вводит идею ответственности за свою карму: даже в условиях страданий герои (потомки персонажей Батожабая) могут трансформировать судьбу через сострадание, отказ от мести и принятие универсальной взаимозависимости. В «Похищенном счастье» судьба воспринимается как рок, обусловленный внешними силами: социальными условиями, историей, политикой. Герои часто становятся жертвами обстоятельств, их трагедия – следствие столкновения личного и коллективного. Батожабай акцентирует социально-историческую детерминированность судьбы, тогда как Ширибазаров смещает фокус на этико-духовную ответственность личности. Если в романе религия – часть уходящего мира, то в пьесе она – ключ к его спасению. Оба произведения отражают бурятский культурный код, но «Сострадание» глубже погружается в буддийскую метафизику, предлагая более универсальный, вневременной ответ на вопрос о природе счастья и страдания.

Заключение

Буддизм является одним из ключевых маркеров бурятской этничности, тесно переплетаясь с историей, культурой и самоидентификацией бурятского народа. Это своего рода культурный код, объединяющий историческую память, духовные практики и этническую солидарность. Буддизм всё чаще выступает не как догматическая система, а как культурный ресурс, позволяющий бурятам сохранять уникальность в мультикультурном мире. Однако именно религия остается ключевым элементом их этнического самосознания.

Сравнительный анализ концепции судьбы в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье» и пьесе Б. Ширибазарова «Сострадание» подтвердил, что в советской литературе буддийские мотивы (карма, перерождение) выполняли функцию сохранения культурной памяти, маскируясь под метафоры классовой борьбы. В постсоветской литературе эти мотивы трансформировались в инструмент экзистенциального выбора, где судьба трактуется как результат духовной работы (на примере этики сострадания у Ширибазарова).

Функции буддийских мотивов как маркеров этничности эволюционировали от этнографической репрезентации (Батожабай: буддизм как часть фольклорного ландшафта) до философской основы идентичности (Ширибазаров: карма как личная ответственность). Это отражает переход от внешней фиксации традиций к их осмыслению как ресурса самоидентификации в условиях глобализации.

Закономерности эволюции роли буддизма связаны с историческим контекстом. В советский период религиозные мотивы адаптировались к идеологии через аллегории (судьба как социальный рок), в постсоветский период буддизм стал метафизическим языком для осмысления кризисов идентичности (судьба как путь исправления кармы через сострадание).

Взаимосвязь религиозных нарративов и этнокультурных процессов проявляется в том, что бурятская литература XX-XXI вв. выступает медиатором между традицией и современностью. Буддийский мотив судьбы в литературе – это не линейный сценарий, а динамический процесс, где ключевую роль играют осознанность, этика и преодоление иллюзий.

В качестве дальнейших перспектив для исследования можно рассмотреть:

- Расширение корпуса текстов: анализ произведений других бурятских авторов для выявления общих тенденций в репрезентации буддизма.
- Сравнительные исследования: сопоставление бурятской литературы с калмыцкой и тувинской для определения универсальных и уникальных механизмов адаптации буддийских нарративов.
- Междисциплинарные проекты: изучение роли буддизма в современной бурятской поэзии и кинематографе в контексте культурной антропологии и других гуманитарных наук.

Источники | References

1. Аюшеев Б. Л. Перечитывая «Похищенное счастье» // Байкал. 2021. № 4.
2. Аюшеева Э. Б. Функционирование буддийских персонажей и мотивов в западнобурятской Гэсэриаде: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2020.
3. Бурькин А. А. Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3.
4. Имихелова С. С. Мозаика национальной жизни: о литературном процессе в Бурятии (2010-е годы). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2020.
5. Морохоева З. П. Личность в культурах востока и запада. Новосибирск: Наука, 1994.
6. Нигматуллина Т. А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: NOTA BENE, 2021.
7. Торчинов Е. А. Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
8. Тыхеева Д. Ю. Эпические традиции в трилогии Д. О. Батожабая «Похищенное счастье»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2010.
9. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт; РГГУ, 2001.
10. Фролова И. В. Проза и драматургия Д. Батожабая: поиски художественного синтеза: автореф. дисс. ... к. филол. н. Улан-Удэ, 2003.
11. Hinnells J. R. The Routledge Companion to the Study of Religion. N. Y.: Routledge, 2005.

Информация об авторах | Author information

RU

Дампилова Людмила Санжибоевна¹, д. филол. н., проф.
Мархадаев Гомбо Баирович²

^{1,2} Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN

**Lyudmila Sanzhiboevna Dampilova¹, Dr
Gombo Bairovich Markhadaev²**

^{1,2} Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude

¹ dampilovamila@gmail.com, ² gombomarh@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.04.2025; опубликовано online (published online): 27.05.2025.

Ключевые слова (keywords): концепция судьбы; этническая идентичность бурят; карма и сострадание; культурная память; буддийские мотивы; concept of destiny; ethnic identity of the Buryats; karma and compassion; cultural memory.